

ИДЕЯ НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПОВЕСТИ КИРА БУЛЫЧЕВА «ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ»*

*Фаритов В.Т., Балаклеец Н.А.
г. Ульяновск, Россия*

Статья посвящена исследованию воплощения идеи Нового Средневековья в фантастической повести К. Булычева «Город без памяти». Авторы ссылаются на концептуальные разработки Н.А. Бердяева, О. Шпенглера, У. Эко. В статье осуществляется анализ социального пространства, специфики организации и распределения власти в Новом Средневековье. Эксплицируются две модели семиозиса, на основе конфликта которых строится сюжет повести.

Ключевые слова: К. Булычев, Новое Средневековье, власть, трансгрессия, семиозис.

1. Философская фантастика Освальда Шпенглера

В нашем представлении смысл фантастики заключается в моделировании ситуаций и условий, позволяющих раскрыть те возможности человеческого бытия, которые в существующих условиях не могут быть реализованы.

В этой связи обращает на себя внимание теория исторических псевдоморфоз О. Шпенглера. Философ определяет данным терминологическим сочетанием те ситуации, в которых старая культура навязывает молодой культуре свои формы выражения [7, с. 910]. В данной ситуации возникает несоответствие между содержанием и формой, следствием которого является угнетение собственных возможностей молодой культуры. Вместо того чтобы постепенно развивать свои формы выражения, адекватные ее внутреннему содержанию («душе»), культура тратит свою энергию в подражании чуждым формам. Одним из наиболее ярких примеров исторической псевдоморфозы являются петровские реформы и последующая культурная жизнь России. Тогда еще молодой российской культуре насильственным образом были привиты чуждые формы уже старой европейской («фаустовской») культуры. Подобные псевдоморфозы были и раньше в других культурах. Однако уникальность современной ситуации заключается в том, что распространение форм одной культуры на другую не ограничивается одной страной. Европейские культурные формы поработили не только русскую, но и японскую, индийскую и арабскую культуру.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-411-730007/18.

Причиной и средством столь тотального захвата культурного пространства стала специфическая европейская техника.

Если следовать концептуальным разработкам Шпенглера, то необходимо признать, что нет никакой «техногенной цивилизации». Вместо этого имеет место глобальная псевдоморфоза планетарного масштаба. Европейская техника релевантна только европейской культуре с ее фаустовской душой. Для всех остальных эта техника остается внутренне чуждой, несмотря на то, что внешне все они (японец, индус, араб, еврей и русский) ей подчиняются, признают ее власть и безраздельное господство.

В этой связи в сноске к тексту последнего параграфа второго тома «Заката Европы» Шпенглер делает важное замечание прогностического характера: «Однако также и русский со страхом и ненавистью взирает на эту тиранию колес, проводов и рельсов, и если сегодня и в ближайшем будущем он с такой неизбежностью мирится, то когда-нибудь он сотрет все это из своей памяти и своего окружения и создаст вокруг себя совершенно другой мир, в котором не будет ничего из этой дьявольской техники» [7, с. 1335]. В отношении «сегодня» и «ближайшего будущего» в целом все понятно: можно, конечно, спорить с правомерностью утверждения о страхе и ненависти по отношению к европейской технике, но смысл данного тезиса ясен. Что вызывает вопросы, так это «когда-нибудь», которое автор вскользь упоминает в сноске и не дает подробного разъяснения на этот счет. Как, каким образом можно стереть из памяти «все это» и создать вокруг себя «совершенно другой мир»? Шпенглер не отвечает на этот фундаментальный вопрос. Он только показывает, что гегемонии европейской техники и культуры не суждено продлиться вечно. Собственная душа русской культуры, погребенная под чужеродными наслоениями, должна будет пробудиться. Однако для такого пробуждения будет недостаточно преодолеть чуждые формы мировоззрения (что само по себе не так-то и просто), овладевшие умами «россиян». Дух европейской цивилизации проник не только в сознание, он впитался в саму материю нашей жизни. Европейская техника организует все физическое и социальное пространство нашего существования: ландшафт, быт, досуг, работа, производство, экономика и политика – все это завязано на современной технике и без нее фактически немислимо. Сложно представить, что в какой-то момент (то самое шпенглеровское «когда-нибудь») мы просто возьмем и добровольно откажемся от всего этого.

Избавиться от тирании «колес, проводов и рельсов» можно только путем абсолютной трансгрессии [2]. Требуется катастрофа, которая приведет к колоссальным разрушениям. Нужны взрывы и пожары такой силы, чтобы

сделанные из прочного металла провода, рельсы и колеса были действительно стерты из окружения и из памяти. Это «стирание» должно будет произойти по всему миру. Техника должна исчезнуть так же, как некогда исчезли все динозавры. Часть населения при этом должна будет уцелеть – возможно, где-нибудь в лесах и горах, которые не будут подвергнуты бомбардировке, поскольку не являются стратегически значимыми объектами. Или в подземельях. Тогда в России появятся условия для создания совершенно другого мира. Русская культура будет отброшена назад к стадии только что преодоленного состояния варварства. Начнется период Нового Средневековья, о котором писал Н. Бердяев [3]. А затем, спустя столетия, должно наступить Новое Возрождение, которое ознаменует момент высшего самосознания русской души.

«Закат Европы» издавался в то время, когда человечество еще не столкнулось с угрозой ядерной войны как с реальной возможностью. В 1930 году мыслитель уже умер. Шпенглер никогда не выступал в качестве пророка, он был философом, который работает с онтологическими возможностями, а не занимается предсказанием фактических событий. Как философ он показал, что современная ситуация культурного пространства представляет собой слишком сложный узел, завязавшийся в Европе. Как отмечает П. Слотердаик, «северо-западные европейцы – представляющие собой полнейшую противоположность грекам, которые любили блюсти границы, – должны быть по глубинной структуре психики своей помешанными на бесконечности психопатами, причем не в какой-то неглубокой оборонительной форме, а в форме наступательной, заставляющей устремляться все дальше и дальше. Во всем этом, наверное, есть несколько наблюдений, к которым следует относиться серьезно. Ведь это правда, что в европейской культуре – вкупе с ее продолжением в культуре американской – налицо проблема инфинитизма, своего рода постоянная реакция неприятия конечности и принципиальная злость, которую вызывает стремление установить границы и пределы» [6, 336-337].

Онтологический смысл этого фаустовского стремления к «постоянному превышению пределов и перманентному нарушению границ» [6, 336] есть трансгрессия. Ответом на экспансию подобного трансгрессивного способа существования на другие культуры может стать абсолютная трансгрессия. Так или иначе, получившая колоссальные масштабы псевдоморфоза создает онтологические предпосылки для возникновения возможности абсолютной трансгрессии. Появление такой возможности есть симптом, иммунная реакция – подобная повышению температуры тела до опасных для жизни пределов. Организм усиленно борется с чужеродными элементами, но в

такой борьбе он может «сгореть» и сам. Примерно то же самое происходит и в современной культуре. Мы наблюдаем иммунную реакцию, следствием которой может стать гибель самих культур, этих организмов высшего порядка.

Война в классическом смысле представляет собой внутреннюю трансгрессию: нарушение границ частного и изолированного существования в целях поддержания бытия целого. Гегелевская диалектика здесь оказывается наиболее адекватным онтологическим учением. Ядерная война представляет собой трансгрессию абсолютную: возможность тотального отрицания всех установленных бытийно-смысловых определенностей существования. Трансгрессия в данном случае направлена уже не на единичное, но на всеобщее. Одним из возможных результатов подобной трансгрессии будет как раз таки противоположное направленности гегелевской философии утверждение единичного в его максимальной оторванности от всеобщего. Будут высвободяться части, осколки и фрагменты: отдельные выжившие индивиды, отдельные уцелевшие артефакты, чье бытие теперь не находится в сложной сети связей и отношений целостной системы. Потому что такой системы больше нет. Другой возможный вариант ядерного конфликта состоит в абсолютном отрицании наличного бытия и раскрытии чистого Ничто. Хотя подобная возможность является предельной, для онтологического исследования она также значима, поскольку онтология работает с возможностями. Предельные бытийные возможности, даже если они никогда не будут реализованы, входят в конфигурацию актуального наличного бытия – в качестве горизонта, который задает направленность актуального смыслообразования, определяет перспективы наличного бытия.

Катастрофы планетарного масштаба происходили на земле и раньше, до появления человека. Например, вымирание динозавров, которое могло стать результатом падения крупного метеорита. Подобное происшествие должно было привести к мощному взрыву, следствием которого стало бы воцарение на Земле мрака и холода. Однако в данном случае речь идет о фактическом единичном событии, которое до своего непосредственного наступления не оказывало совершенно никакого воздействия на характер наличного бытия. Возможность ядерной войны имеет кардинально другой онтологический статус – именно в качестве возможности, которая определяет наше существование в данный момент. Раскрытие абсолютной трансгрессии как такой предельной возможности должно иметь вполне конкретные онтологические предпосылки в существовании самого человечества (в то время как падение метеорита не имело никаких предпосылок в

существовании самих динозавров). Должны были произойти какие-то радикальные преобразования в проекте бытия человечества, чтобы само возникновение такой возможности стало возможным.

2. Апокалипсис «техногенной цивилизации» от Кира Булычева

В фантастической повести «Город без памяти» (1988-1989, цикл «Приключения Алисы») Кир Булычев моделирует ситуацию гибели высокоразвитой техногенной цивилизации. Действие разворачивается на планете Крина. В «Конце Атлантиды» (повести, продолжением которой является «Город без памяти») уровень технического прогресса Крины характеризуется следующим образом: «Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крина. Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов. Она посылала корабли во все концы галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям. Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыболовов возникали на берегах рек» [4, с. 72].

Крина достигла пика своего научно-технического развития в те времена, когда на Земле лишь зарождалась цивилизация. В рамках концептуальных разработок О. Шпенглера это означает, что в образе Крины представлена культура, перешедшая в стадию цивилизации. Земля представляет собой молодую, зарождающуюся культуру, совсем недавно начавшую выходить из состояния варварства («пракультуры»). Если следовать Шпенглеру, то различие между разными типами культур, к тому же находящихся на столь различных стадиях развития, настолько велико, что вполне уместно вести речь о двух разных мирах или даже о двух планетах. Если бы не европейская псевдоморфоза, то примерно в таком соотношении находились бы культуры Руси и Европы.

Фабула «Города без памяти» начинается с отправки на Крину космического корабля с Земли. После потери связи с экипажем организуется спасательная экспедиция (в состав которой входят Алиса Селезнева, Пашка Герскин, Ирия Гай и разумный космический корабль Гай-до). На подходе к цели герои обнаруживают, что на планете не осталось никаких следов высокотехнологичной цивилизации: «Это удивительно, – сказал наконец

Гай-до. – Если бы я не знал, что представляет собой Крина, я бы решил, что мы летаем вокруг отсталой планеты. Экипажи, что двигаются по улицам, по моему, запряжены лошадьми или какими-то похожими животными, дороги запущены, некоторые зарастают кустарником. Корабли... Я убежден, что корабли здесь парусные.

– Все ясно, – сказал начитанный Пашка. – Я и об этом читал в фантастическом романе. Они истратили все свое топливо, и им пришлось перейти на силу ветра и лошадей.

– Ты опять ошибся, Паша, – сказала Ирия Гай. – Ты же знаешь, что на Крине были атомные станции, гравитолеты, солнечные и световые двигатели...» [4, с. 124].

Уровень цивилизации Крины по прибытии на нее действующих лиц оказывается соответствующим периоду европейского Средневековья. В «Конце Атлантиды» сообщается, что последняя смена ученых с Крины прибыла на Землю в 1818 году. Следующая смена должна была прибыть в 1823 году. Но этого не произошло, связь с планетой была потеряна. Действие повести происходит в 2088 году. Соответственно, катастрофа, ставшая причиной гибели крупной цивилизации, произошла примерно 265 лет назад. Скорее всего, в первое время после трагических событий уровень жизни на планете соответствовал первобытным условиям. С течением времени криняне достигли стадии средневекового феодализма.

Таким образом, в повести получила воплощение идея Нового Средневековья – идея достаточно популярная и широко распространенная в художественной литературе и кинематографе. Один из теоретиков данной идеи Умберто Эко отмечает: «Что же нам нужно, чтобы создать хорошие Средние века? Прежде всего, огромная мировая империя, которая разваливается, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии и которая в один прекрасный момент рушится из-за сложности собственной структуры. Рушится, потому что на границах насаждают «варвары», которые необязательно необразованны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира. <...> С крахом Великой империи (военным, гражданским, социальным и культурным одновременно) начинается период экономического кризиса и дефицита власти» [8]. С позиции Эко, возникновение Нового Средневековья связано с гибелью мировой империи. При этом указывается две причины: внутренняя – сложность собственной структуры – и внешняя – нашествие варваров. Оба типа причинности взаимосвязаны. Происходит внутренняя и внешняя трансгрессия, нарушение границ изнутри и извне. Подобно тому как

внутреннее ослабление организма провоцирует проникновение в него внешних патогенных организмов.

Что же послужило непосредственной причиной гибели техногенной цивилизации на Крине? В «Конце Атлантиды» говорится о гибели многих планет от ядерного оружия: «Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли» [4, с. 73].

На Крине, однако, военной катастрофы не произошло. Их цивилизация находилась как раз в числе тех, кому удалось «успешно преодолеть этот рубеж – запретить оружие и перейти к мирной эпохе» [4, с. 73]. По ходу развития сюжета «Города без памяти» выясняется, что причиной катастрофы стала всеобщая потеря памяти. О том, что вызвало такой глобальный катаклизм, станет ясно лишь в конце произведения. Пока важно прокомментировать сам характер события. Зоной поражения у Булычева становится не техника (как это было бы в случае с масштабным применением ядерного оружия, в результате чего вся техника была бы уничтожена), но само основание культуры: память. Память представляет собой саму сферу бытия культуры. Будучи сверхбиологической программой и в качестве таковой не подлежащей трансляции через биологические механизмы наследственности, культура может существовать только посредством памяти. Уничтожение памяти равнозначно потере всего, что было накоплено культурой за период своего существования. Это и произошло на Крине. Поскольку техника является продуктом высокоразвитой культуры, потеря памяти приводит к автоматическому устранению техники: «Люди бросили свои дела, остановились заводы, машины и поезда; самолеты, что летели в небе, упали и разбились, в столовых люди оставили недоеденные блюда, корабли теряли путь к гавани, и их выбрасывало на берег...» [4, с. 296]. У Булычева буквально реализуется предсказание Шпенглера, которое мы приведем здесь еще раз: «Однако также и русский со страхом и ненавистью взирал на эту тиранию колес, проводов и рельсов, и если сегодня и в ближайшем будущем он с такой неизбежностью мирится, то когда-нибудь он сотрет все это из своей памяти и своего окружения и создаст вокруг себя совершенно другой мир, в котором не будет ничего из этой дьявольской техники» [7, с. 1335]. Вот это и случилось на Крине: «тирания колес, проводов и рельсов» была в прямом смысле слова *стерта из памяти*. И жители планеты создали «совершенно другой мир», в котором действительно ничего не оказалось «из этой дьявольской техники».

Следует обратить внимание на социальную организацию этого нового мира. Во главе стоит Повелитель Радикулит Грозный. Ему служат «поклоны» – сословие дворян – и «вкушецы» – жреческое сословие. Как и положено в феодальном обществе, третье сословие образуют «простаки» – земледельцы, ремесленники и т.п. Поклоны и вкушецы являются представителями знати, господствующих сословий, простаки – представители сословий угнетаемых: «В лодках были поклоны, вкушецы и их слуги. И солдаты. Разные люди. А простаки работают. Землю пахут, сапоги тачают. Их можно бить. А поклонов и слуг бить нельзя» [4, с. 158]. Помимо поклонов, вкушецов, простаков, а также слуг и солдат, в Новом Средневековье Кира Булычева существуют *трансгрессивные* группы людей – те, кто не интегрирован в сословную систему общества и находится на периферии социальной структуры, занимает в ней пограничное положение. Как трансгрессивные, пограничные феномены, эти группы находятся одновременно и в социальной системе и вне ее. Вне, так как у них нет закрепленного положения в обществе, нет правового статуса. Внутри, так как они тем не менее определенным образом входят в социальное пространство, занимая в нем положение маргиналов. В историческом Средневековье подобные трансгрессивные феномены были распространены достаточно широко: странники и бродяги, нищие, разбойники, юродивые. Функция трансгрессивных феноменов заключается в том, что они выявляют границы социального пространства и тем самым указывают на возможности иных конфигураций и организаций общественного устройства [1]. В трансгрессивных феноменах социального пространства заключается возможность самопреодоления, трансформации общества.

В «Городе без памяти» трансгрессивные феномены представлены двумя группами: «бе-пе» и «помники». Пограничность обеих групп связана с их отношением к памяти и забвению. Всеобщая потеря памяти на планете произошла около 250 лет назад. Средняя продолжительность жизни кринян в условиях Нового Средневековья составляет 40-50 лет (до катастрофы она составляла более 300 лет). Отсюда следует, что с момента катастрофы уже сменилось несколько поколений, и у населения начала формироваться новая память, содержанием которой выступает культура Нового Средневековья.

«Бе-пе» (беспамятными) называют тех, кто лишился памяти уже в этом новом мире. В лесах и в городе есть особые колодцы, попадание в которые приводит к полной потере памяти. Произойти это может двумя путями. Либо в результате несчастного случая, либо в результате наказания – «казни забвения». Ставшие беспаятными полностью утрачивают свою идентичность, теряют свое положение в обществе, дом и имущество и живут

как бездомные бродяги и умалишенные. Впоследствии они могут вновь интегрироваться в социальную иерархию, стать простаками или даже мудрецами.

У Шпенглера есть понятие «феллахов», «посткультурных народов», составляющих население больших городов умирающей культуры. В отличие от варваров, являющихся пракультурными народами, феллахи – это наследники бывшей великой культуры, утратившие способность не только созидать культурные ценности, но и сохранять их. В культурном смысле, феллахи – это беспамятные, те, кто утратил память об идее, составлявшей основу, душу культуры.

Помники образуют противоположный полюс периферии социального пространства Нового Средневековья. Они живут за чертой города, за лесом, в Убежище – тайном городе, составляющем антитезу социальной структуре Города без памяти. Это шпионы, революционеры и ученые. Их отличительной чертой является установка на возвращение утраченной памяти.

Интересно, что беспамятные и помники – как трансгрессивные феномены социального пространства Нового Средневековья противоположного характера – в некоторых ситуациях сближаются. Если помники попадают в руки власть имущих, то их казнят – опускают в яму забвенья и превращают в «бе-пе». В свою очередь, помники, чтобы проникнуть во вражеский стан, не вызывая подозрений, могут притворяться беспамятными.

Тем не менее, помники не сливаются с беспамятными. Трансгрессия, осуществляемая данными группами, разного характера. «Бе-пе» полностью утрачивают идентичность и в качестве таковых могут стать материалом как для вкушцов, так и для помников. Вкушцы организуют беспамятных в послушные массы. Помники пытаются их заново обучить, сделать из них представителей культуры другого типа. Сами помники стремятся обрести подлинную идентичность. Они хотят узнать истинный смысл слов и вещей, восстановить историю своей цивилизации.

Дело в том, что случившаяся несколько столетий назад всеобщая потеря памяти привела к серьезному сдвигу в семиотическом пространстве и к значительным изменениям в семиозисе. Значения слов и предметов были утрачены, при том что сами предметы и слова сохранились. Остались знаки, но не осталось значений. В связи с этим возникла необходимость повторного означивания. Данная ситуация не является исключительно продуктом логики фантастического сюжета Кира Булычева. Согласно У. Эко, подобные семиотические сдвиги представляют характерную черту Средневековья:

«Средние века по-своему сохранили наследие прошлого, но не для того, чтобы, удобно устроившись в нем, погрузиться в зимнюю спячку, а чтобы постоянно заново переводить его и использовать, это был bricolage в гигантских масштабах на грани ностальгии, надежды и отчаяния» [8].

В повести Булычева представлены две модели семиозиса, которые условно могут быть названы сакральной и репрезентативной. Обе модели основаны на соответствующей концепции истины и знания. Сакральная модель исходит из представления, что мудрость заключается в незнании: «Настоящая мудрость, – воскликнул Кошмар, – это ничего не знать, но обо всем судить! Да здравствует мудрое невежество!» [4, с. 285]. Несмотря на то, что сам автор повести относится к такому подходу с явной иронией, не следует игнорировать то обстоятельство, что это воззрение на природу знания уходит своими корнями как раз в средневековую, теологическую систему мысли. Николай Кузанский в своем знаменитом трактате «Об ученом незнании» указывает: «Бесконечное, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным. <...> Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем учнее, чем полнее увидит свое незнание» [5, с. 10-11]. Бесконечный Бог не подлежит репрезентации, возможно лишь символическое знание. Отсюда и семиозис понимается не как выражение доступной репрезентации истины, но как сакральный акт именованья. Право давать имена в Ветхом Завете было даровано первому человеку как образу и подобию Бога. В «Городе без памяти» таким правом обладают мудрецы: «Наш счастливый мир незыблем, потому что не меняется. И к нам, к мудрецам, идут, потому что мы единственные, кто знает то, чего не знает никто. Поэтому нас уважают и ценят, мы придумываем все названия, а нам за это дают красивые дома и одежды» [4, с. 285].

Конфликт между сакральной и репрезентативной моделью прослеживается в следующем диалоге:

«– О славный, грозный Таракан! – кричал он. – О великое хвостатое крылатое существо, поклон ты наш!

– Почему его зовут тараканом? – спросила Алиса шепотом у Речки.

– Потому что это его герб, – ответила девушка. – Видишь, на парусе нарисован?

– Но это же павлин, – сказала Алиса.

– Таракан не такой, – вмешался Пашка. – Он маленький, черный или рыжий, он с усами, он бегают. Он – насекомое!

– Я-то знаю, – загадочно ответила девушка, – а другие не знают» [4, с. 150].

Пашке и Алисе известна только репрезентативная модель, в которой имя обозначает истинное понятие о предмете. Истина здесь понимается как соответствие высказывания предмету. Но при таком подходе имя теряет свой сакральный характер и перестает служить иерархической организации власти, во главе которой находится повелитель, монарх как наместник и помазанник Бога. Имя, репрезентирующее объективную истину, не может служить для прославления, для внушения трепета и преклонения перед величием его носителя.

Сторонниками репрезентативной модели являются помники, активно противостоящие всей системе мироустройства Нового Средневековья. И мудрецы, и вкушецы чувствуют, что модель семиозиса, которую стремятся утвердить помники, несет угрозу их иерархическому и авторитарному социальному пространству: «А если мы научимся читать, то станем самыми обыкновенными помниками и нас придется лишить памяти» [4, с. 286].

Репрезентативная модель обосновывается одним из лидеров движения помников – профессором Хрустом: «Мы стараемся разгадать, что это могло значить, как это употреблялось нашими предками. Иногда случаются замечательные открытия, которые сразу на несколько лет вперед двигают нашу цивилизацию. Как рассказывают, наш первый учитель, глядя на сломанные карманные часы, изобрел колесо» [4, с. 311]. Хруст – это будущий Коперник, герой Нового времени, пионер техногенного мира. Он не дает имена, а как настоящий ученый старается разгадать, отыскать истинное значение. И, как для настоящего изобретателя, истина для него имеет практико-прагматический характер, она связана с употреблением предмета в этом, земном, совсем не божественном мире.

Повесть заканчивается победой команды Алисы Селезневой и помников. «Темным векам» на Крине приходит конец, верх одерживают представители рационалистической, технократической цивилизации. Однакостораживает то обстоятельство, что причиной катастрофы целой планеты была сама же наука. Как выясняется к концу произведения, один гениальный ученый изобрел не новый вид оружия массового уничтожения, но нечто более сложное – поле забвения: «Но среди жителей Крины был один ученый, гениальный, но наивный ум, который решил, что все несчастья людей проистекают оттого, что они слишком многое помнят. Они помнят все обиды и потери, все разочарования и беды. Видно, он сам пережил когда-то тяжелую утрату или оскорбление, но документы об этом молчат. В то время он работал над изучением поля, открытого им, – поля, которое стирало у

живых существ память. Это поле было всепроникающим и опасным. Но наш гений не думал об опасности. Ему в этом поле виделось всеобщее лекарство от всех бед человечества. Он утверждал, что если человек забудет обо всем, то, начав жизнь сначала, он будет счастлив. Беда его заключалась в том, что он решил за всех людей, что им нужно для счастья. Он полагал, что сам отсидится в подземном убежище, а потом выйдет наружу и научит людей добру. Но поле, выпущенное им, окутало всю планету и проникло во все подземелья. Память потеряли все без исключения. В том числе и сам изобретатель. Вот и вся история» [4, с. 340]. Проект всеобщего счастья, основанный на забвении прошлого, на стирании исторической памяти, имел место в истории не один раз. Ближайшим ко времени написания «Города без памяти» является проект СССР. К моменту выхода повести в печати этот проект уже переживал свои последние времена. Если в первых повестях (с 1965 года, когда до распада Советского Союза было еще далеко) Булычев рисует счастливое коммунистическое будущее, в котором отменены деньги и тяжелый физический труд побежден научно-техническим прогрессом, то в «Городе без памяти» автор уже более критичен к подобным утопическим проектам. Вместе с тем, и мистические, декадентские мотивы идеализации Средних веков не становятся ему близки (чем Булычев выгодно отличается, например, от автора «Теллурии»). Идея Нового Средневековья для создателя Алисы также неприемлема (по крайней мере, в данном периоде творчества; в более поздних книгах об Алисе ситуация будет уже не столь прозрачной).

Литература

1. Балаклеец Н.А. Социальное пространство как условие формирования российской идентичности / Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2010. 141 с.
2. Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Война в горизонте абсолютной трансгрессии: социально-онтологический и историко-философский аспекты // Социодинамика. 2016. № 3. С. 154-166. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.18050. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18050.html
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
4. Булычев К. Приключения Алисы. В 6-ти книгах. Книга шестая. Конец Атлантиды. М.: Культура, 1992. 352 с.
5. Кузанский Н. Об ученом незнании. М.: Академический Проект, 2011. 159 с.

6. Слотердаик П. Солнце и смерть: диалогические исследования // П. Слотердаик, Г.-Ю. Хайнрихс. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1376 с.
8. Эко У. Средние века уже начались [Электронный ресурс]: Электронная библиотека RoyalLib.com URL: https://royallib.com/read/eko_umberto/srednie_veka_uge_nachalis.html#0

ГЕРМЕНЕВТИКА, ФАНТАСТИКА И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

*Чекалов Л.Л.
г. Самара, Россия*

В статье обсуждаются вопросы определения и решения проблемы сознания. На основании модели герменевтического круга и известных механизмов работы человека с информацией формулируется семиотический подход к сознанию, позволяющий различать знак, значение и смысл в физических и сверхфизических средах. Научная фантастика определяется в качестве семиотической схемы, уходящей за горизонт различения, доступного в настоящее время.

Ключевые слова: сознание, информация, семиотическая схема, знак, значение, смысл, герменевтический круг, научная фантастика, наука.

1. Введение

Все мы слышали о различных видах познания: научном, художественном, религиозном. Каждый вид познания имеет свои особенности. Но каждый вид познания в конечном итоге имеет двойное представление:

- образное, непрерывно взаимосвязанное, существующее в виде зрительной картинке перед нашими глазами;
- знаковое, выраженное в какой-либо семиотической системе, дискретно раздельное, как текст этой статьи.

Первое, что хотелось бы отметить в научном познании, – это отношение к понятию «герменевтического круга». Термин «круг» в данном двусоставном понятии придает ему фатальное ощущение бега по замкнутому кругу, что и происходит с некоторыми людьми всю жизнь. Хотя, возможно, сам Фридрих Шлейермахер [1] не хотел такого понимания и говорил о расширяющемся круге, но, к сожалению, термин указывает на некоторую